ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 22.01.2026 | Араш Бейдоллахани

Что для России означают беспорядки в Иране

События, разворачивающиеся в Иране, напрямую связаны с будущим балансом сил в Европе и ходом войны в Украине

В Иране продолжаются политические беспорядки, и они уже стали не только внутренним кризисом. На самом деле эта ситуация превращается в стратегическую проблему для Москвы, влияя на ее энергетическое положение и способность противостоять санкционному давлению, а также способность финансировать длительную войну в Украине.

Долгое время Иран был стабильным партнером России, который из-за многочисленных санкций находился в политической изоляции и имел экономические ограничения, что не позволяло Тегерану ориентироваться на Запад. Теперь понятно, что эта стабильность сомнительна. Длительные беспорядки способны сделать полезного партнера источником неопределенности именно тогда, когда Кремль меньше всего может себе это позволить.

Даже несмотря на жесткие репрессивные меры, волна протестов, поднявшаяся в Иране в конце декабря, продолжается до сих пор. По оценкам правозащитных организаций и независимых мониторинговых групп, убито более 5 тыс. человек, десятки тысяч – задержаны. Неоднократно по несколько дней подряд блокировался доступ к интернету, спутниковой связи, обычному телефону. Внутри страны считают, что этому общенациональному отключению коммуникаций способствовала российская техническая помощь и помощь в сфере безопасности, ведь Москва имеет немалый опыт контроля в сфере информации, репрессий и слежки.

Возможность независимой проверки каждого элемента этой помощи менее важна, чем ее политический эффект. Протестующие, выступающие против политической системы Исламской Республики, все чаще рассматривают Россию как давнего партнера режима и как страну, помогающую вводить репрессии. Именно это

связывает Москву с непопулярным политическим режимом и делает любые будущие изменения в Тегеране более рискованными для российских интересов.

То, что началось как экономические беспорядки, вызванные инфляцией, обесцениванием валюты и снижением уровня жизни, быстро приобрело политический характер. Волны протестов, которые все чаще повторялись в течение последнего десятилетия, превратили Иран в страну, где общество ориентировано на движения, а протесты – больше не исключение, а очевидные ситуации. Большинство политических групп и протестных движений сегодня убеждены, что для значительных изменений необходима структурная трансформация, которой можно достичь либо путем проведения фундаментальных реформ, либо путем перераспределения власти, что сделает возможными реальные экономические и политические изменения.

Эту динамику усилило внешнее давление. Возвращение Дональда Трампа в Белый дом принесло новые санкции и положило конец любой надежде на дипломатическое урегулирование в ближайшем будущем. Позиция Ирана в регионе тоже ослабла. Двенадцатидневная война с Израилем, в том числе убийства высокопоставленных командиров, стала поворотным моментом. Вместе с падением режима Башара Асада в Сирии и арестом Николаса Мадуро в Венесуэле все эти события привели к увеличению напряженности и структурной нестабильности в политической системе Ирана.

Иран, вероятно, войдет в период внутренних изменений и напряжения для элиты внутри страны. Беспокойство Москвы вызывает именно эта неопределенность.

Результатом станет длительная неопределенность, а не неизбежный крах. Если от прямых военных действий воздержатся США и не будет других серьезных внешних потрясений, то Иран, вероятно, войдет в период внутренних перемен и напряжения для элиты внутри страны. Беспокойство Москвы вызывает именно эта неопределенность.

С начала полномасштабного вторжения в Украину Россия опирается на Иран как на часть своей стратегии выживания под санкциями. Эти отношения являются скорее прагматическими, чем идеологическими, и базируются на военном сотрудничестве, дипломатической согласованности и координации под давлением Запада. Для Москвы важность Ирана заключалась в том, что он был предсказуемым партнером, у которого было мало альтернатив и

который был готов к сотрудничеству в политической, экономической сферах и сфере безопасности. Если Иран не будет оторван от мира, это влияние исчезнет.

С точки зрения Кремля, практически любой возможный будущий политический курс Ирана является проблематичным. Внезапная смена руководства или системная трансформация могут со временем подтолкнуть Тегеран к восстановлению отношений с Европой и возвращению на мировые рынки. Вполне возможно, что даже контролируемое выживание нынешней системы предоставит больше полномочий прагматичным деятелям, которые в значительной степени сосредоточены на экономической стабилизации, а не на геополитической конфронтации. В обоих сценариях Россия теряет рычаги влияния.

Определяющими являются также последствия в энергетической сфере. Иран обладает одними из крупнейших запасов нефти и газа в мире, но санкции и изоляция не дают реализовать значительную часть этого потенциала. Пока что такая ситуация была на руку России, поскольку ограничивала конкуренцию на и без того напряженных мировых рынках, особенно с учетом того, что война в Украине изменила энергетические потоки в Европе.

Если будущее иранское руководство откроет двери для западных и европейских энергетических компаний, то динамика региональных поставок изменится. Увеличение иранского экспорта приведет к снижению цен и уменьшению возможностей России использовать дефицит энергии как рычаг влияния на Европу, поэтому для Москвы это не столько вопрос доли рынка, сколько вопрос контроля.

Финансирование войны Россией в значительной степени опирается на доходы от продажи энергоносителей. Любые события, способствующие увеличению поставок, снижению цен или диверсификации долгосрочных энергетических опций Европы, непосредственно ослабляют финансовую основу Кремля. Реинтеграция Ирана будет способствовать всем трем процессам.

Даже без полной реинтеграции менее изолированный Иран затруднил бы работу неформальных сетей России по обходу санкций и снизил бы ценность Тегерана как стратегического экономического партнера.

Здесь кроется еще одна структурная проблема для Москвы. Самые тесные отношения России в Иране связаны не с гражданским обществом или экономическими технократами, а с институтами

безопасности и политическими сетями, придерживающимися жесткой линии, многие из которых связаны с Корпусом стражей Исламской революции или офисом Верховного лидера. Именно эти деятели непосредственно сталкиваются с вызовами, связанными с беспорядками. Если их влияние ослабнет в результате политических реформ, перестановок в элите или смены поколений, доступ и влияние России также ослабнут. Москва имеет немного значимых связей с социальными или политическими силами, способными влиять на будущее Ирана.

Вот почему сообщения и слухи о помощи России в сфере слежения, отключения интернета и контроля имеют стратегическое значение. Они могут помочь сохранить стабильность в краткосрочной перспективе, но углубляют враждебность в долгосрочной. Репрессии могут дать время, но не завоюют лояльности.

С европейской точки зрения, политические изменения в Иране ослабили бы давление на энергетические рынки и еще больше ограничили военную экономику России

Значительными являются также последствия для Европы. Беспорядки в Иране пересекаются с дебатами о санкциях, энергетической безопасности и устойчивости военной экономики России. С европейской точки зрения, политические изменения в Иране ослабили бы давление на энергетические рынки и еще больше ограничили военную экономику России. Это помогает понять, почему Москва в последние недели усилила свою разведывательную, информационную поддержку, а также поддержку в сфере безопасности Исламской Республики – от помощи в репрессиях и наблюдении до полной поддержки в пропаганде и информационной войне, в частности на международных форумах.

Протесты в Иране часто рассматриваются как испытание политической системы Исламской Республики. Они также являются испытанием предположений России о том, насколько партнерские отношения со странами, находящимися под санкциями, могут обеспечить контроль. Они напрямую влияют на энергетические расчеты России, ее способность поддерживать финансирование войны и противостоять давлению Запада.

Беспорядки в Иране показывают уязвимость более широкой стратегической позиции Москвы, которую Россия вряд ли сможет легко сдерживать или контролировать.

Если в ближайшие месяцы или годы политический курс Ирана изменится, то результат вряд ли будет в пользу Москвы. Такое изменение ослабило бы позиции России не только на Ближнем Востоке, но и в контексте войны в Украине, ставя под угрозу одно из немногих стратегических партнерств, оставшихся у России в условиях санкций и изоляции. Именно поэтому президент Украины Владимир Зеленский публично призвал международное сообщество поддержать иранских протестующих и политические изменения в Иране.

События, разворачивающиеся в Иране, больше не являются второстепенными для России. Они напрямую связаны с будущим балансом сил в Европе и ходом войны в Украине.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Араш Бейдоллахани

Д-р Араш Бейдоллахани (Arash Beidollahkani) является научным сотрудником Института глобального развития Манчестерского университета и научным сотрудником Института изучения тоталитаризма имени Ханны Арендт при Техническом университете Дрездена. Его работа посвящена политике, государственному управлению и внешней политике Ближнего Востока, с особым акцентом на авторитарную устойчивость, возникающие неоавторитарные модели, недемократические институты и отношения между государством и обществом в постконфликтных и переходных условиях.